

Равиль
Бухараев

Советские рассказы

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4
Б 94

Бухараев Р.
Б 94 Совецкие рассказы / Р. Бухараев. — СПб. : Алетейя, 2011. — 248 с. —
(Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы).

ISBN 978-5-91419-515-8

«Совецкие рассказы» Рауиля Бухараева — это не наивный плач по утраченному, но и не беспамятная издевка над собственным прошлым, настоящим и будущим. Это книга о единстве собственной жизни, которую не выбирают, и о единстве мира, которое нужно просто узреть сердцем. И жизнь тогда станет намного светлее, хотя и не намного легче.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4

На обложке использованы акварели художника *Александра Чебинева*.

ISBN 978-5-91419-515-8

© Р. Бухараев, 2011
© А. Чебинев, иллюстрации, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

СОВЕЦКИЕ РАССКАЗЫ

Горбунок

Давным-давно, когда пиво продавалось не везде, а земля вообще не продавалась, вырос на пустыре возле Компрессорного завода барачный поселок — три ряда длинных деревянных строений, крашенных зеленой краской, за годы полинявшей от времени и непогоды. Сюда — с умыслом пресечь текучесть кадров — сперва заселили семейных рабочих, приехавших в этот большой волжский город по найму. Но кто-то со временем поменял работу, кто-то отженился, кому-то подфартило улучшить жилищные условия, а кто-то и спился с круга в немилых сердцу трудах.

Так-то вот в бараках стали мало-помалу обживаться люди, не имеющие к заводу никакого отношения. Словно бы сами собой, завелись возле барачных палисадники с кустами смородины и крыжовника, высоченными цветущими мальвами и золотыми шарами; наиболее рачительные насельники сколотили себе на прихваченной земле сараюшки и обтянутые проволочной сеткой курятники и посадили у крылечек, для радости, яблони, вишни, рябину, сирень, черемуху.

Заорали петухи, засуетились куры; на голубятнях загулили сизые и белые голуби; в пристроях задержали ногами серые кролики, и бородастые козы рвали жухлую траву на заводском пустыре.

Время то ли шло, то ли стояло: забегали по пыльным немощным проулкам замурзанные ребятишки, в борьбе за первенство скоро выраставшие в лютую шпану; затыкали бродячие щенки, вымахивавшие в здоровенных злобных псов. Так что чужакам из верхних районов города здесь делать было решительно нечего, особенно по вечерам: местные берегли свой поселок от чужих, как Родину от фашистов.

Все это житье-бытье было как бы незаконным и, что характерно, незапланированным, однако призвать к порядку боевое барачное население, а того пуще — выселить эту нахаловку никто бы из заводского начальства не взялся.

Такова была в те годы сила коллективной запальчивости, склочности и анкетной принадлежности к рабочему классу. Терять-то было нечего — почему бы не побазарить?

Но время шло, и героическая эпоха бараков стала потихоньку уходить в прошлое. Она и сейчас все еще потихоньку уходит.

Но тогда вышло народу первое послабление – настали шестидесятые. Наиболее удачливые горожане начали копить про запас мещанский жирок и обживаться на буржуйский манер. Так, во всяком случае, виделось это вечному пролетариату городских бараков и полуподвалов.

А некоторые счастливицы обзавелись даже личными автомашинами, словно в укор всему остальному пешему населению.

Такой укор стерпеть могли из барачных жильцов лишь очень немногие. Когда на козьем пустыре вдоль заросшей бурьяном бетонной стены Компрессорного завода начали строить кооперативные краснокирпичные гаражи, поселок занял круговую оборону. Местный пролетариат просто-таки тешился новыми классовыми боями. Незаасфальтированные проезды между бараками заботливо перегородили, вколов в землю обрезки железных труб и пустые газовые баллоны, похожие на артиллерийские снаряды – на страх проезжающим частникам. Нашлось этому и объяснение – чтобы не передавили кур и малых ребятишек.

У каждого, ясное дело, своя правда.

Теперь, чтобы попасть в долгожданный гараж, автолюбителям приходилось объезжать поселок по совсем уж невероятным ямам и колдобинам. А осенью – по вязкому глинистому месиву.

Если же кто по неведению или в спешке выбирал кратчайший путь промеж бараков, его осыпали бранью, а порой и камнями, будь он хоть инвалидом войны на «запорожце» с ручным управлением.

Конечно, когда из автомобиля выскакивал человек без ноги, и, потрясая костылем, взывал к человеческой совести, классовый запал утихал и уступал-таки место не вовсе забытому тогда стыду.

Но ненадолго. В конце концов, для многих обитателей бараков это был единственный способ выразить свое отношение к окружающей жизни с полным сознанием своей гражданской правоты.

На ком-то надо людям отыгрываться. Не все же пить горькую.

Словом, все само собою сделалось так, будто бараки стояли здесь вечно, и жизнь в них тянулась и тикала, подобно большому круглому будильнику, который привычно стоит на комод, но, по давней неисправности, не звонит.

Да ведь не всякому человеку он и нужен, исправный будильник. Например, человек по имени Горбунок, один из барачных жителей

помоложе, не имел в будильнике никакой нужды. Он, сколько себя помнил, неизменно пробуждался к жизни от противной похмельной жажды и, вдобавок, оттого, что башка раскалывалась от принятого накануне.

Вставать ему обыкновенно не хотелось. Но всегда приходилось: обморочный сон, как полузабытые материнские объятья, неудержимо ускользал, уходил, удалялся, оставляя его одного — наедине с неутешной действительностью.

Вот и сегодня — солнце светило вовсю, но горбункова голова еще и не показывалась из-под пестрого одеяла, на цветных лоскутах которого пригрелись солнечные зайчики. Само одеяло, впрочем, уже вздымалось и дыбилось; Горбунок под ним ворочался и сопел. Проваленный пружинный матрац жалобно бряцал и лязгал, тоже пробуждаемый от сонной неподвижности привычными, как медный привкус во рту, шумами горбункова воскресения.

Наконец, он решился выкарабкаться из-под одеяла как лежал, спиной вверх. Первой вышла вверх затылком белобрысая голова в редких свалявшихся волосах, с едва запекшимся свежей коростой рубцом, напоминающим черный серпик. Все еще укрываясь одеялом, как от непогоды, Горбунок встал на своей мятой-перемятой постели на колени, еще помедлил, повернулся, спустил короткие ноги на деревянный пол и явился миру весь — в синих семейных трусах, малорослый, коренастый и неуклюжий — в полном соответствии со своим прозвищем: Конек-Горбунок.

Если кто из читателей думает, что автору доставляет самомалейшее, а то и злорадное удовольствие описывать во всех подробностях горбунковы пробуждения к жизни, то такой читатель непременно ошибается. Автору тоже не шибко приятно как бы заново рассматривать убогую — даже по тем скудным временам — комнатуху, где единственным примечательным предметом мебелировки выступал оставшийся от родителей темный пузатый комод. У этого-то комода, отперев и выдвинув бельевой ящик и прикрывая его всем телом от Горбунка, его последняя на свете родня, бабка по матери, перебирала серые простыни и наволочки и, сварливо ворча, перекладывала с места на место разное старое шмотье. Длинная черная юбка ее во время этих действий болталась, как занавеска под ветром.

Да ей-богу, были же в те приснопамятные времена и другие, более отрадные взору картины утренних пробуждений! И не в пролетарском